

Эти ребята сейчас вовсю колесят с концертами по городам и весям, но мало кто знает, что их «маршрут» начался здесь, в стенах Казанского университета. Их музыка – чистое воплощение светлой грусти, и, окунаясь в нее раз, невозможно уже перестать слушать. В августе этого года фронтмен британской группы Metronomy Джозеф Маунт назвал кавер Juna на песню The Upsetter «лучшей вещью, что он когда-либо видел», а под самый новый 2017 год группа выпустила свой первый клип.

Давайте узнаем у самих музыкантов, как же они докатились до такой жизни.

– С чего все начиналось?

Ания: Первая репетиция состоялась в главном здании университета. На первом курсе один из преподавателей мне рассказал о грядущем фестивале английской песни. Это послужило поводом наконец-таки собрать друзей и самостоятельно придумать номер. Во время учебы в университете собирались редко, и состав постоянно обновлялся. К концу учебы группа начала собираться чаще, а теперь – мы уже активно действующий коллектив. Никаких четких планов на начальном этапе не было. Мы просто играли любимые песни.

Половина участников группы окончили Казанский университет. Спасибо вахтерам, которые не выгоняли шумящую допоздна шайку музыкантов из аудиторий. Ну и, конечно же, университет дал нам первые площадки для выступлений, дал возможность проявить себя.

А еще отдельной благодарности заслуживает Хоровая капелла университета им Л. Усцова и ее руководитель Данилова Эра Евгеньевна. Двое участников нашего коллектива пели в капелле немало лет, ездили с ней на гастроли по городам России и за рубеж. Это не могло не сказаться на звучании Juna. И, конечно же, понимание того, как нужно относиться к музыкальному материалу, сложилось именно там. А еще в хоре Brevis и в коллективе Qwerty занималась наша барабанщица.

Александра: Поначалу мы собирались как на репетиционных точках, так и в стенах университета – в первой физической аудитории в главном здании. Тогда там стоял еще большой рояль. Сейчас реальный звук группы, на который мы равняемся, сложно воспроизвести в акустике. К сожалению, выбор невелик – либо

домашняя студия, либо репбаза.

– Вспомните первый концерт. Что изменилось с тех пор?

Ания: Если говорить о самом первом выходе на сцену, то это был номер в рамках фестиваля английской песни в УНИКСе. Группа тщательно готовилась к нему, продумала образ, некое сценическое действие. Сыграли неплохо. Порадовало то, что удалось создать атмосферу. Когда ты что-то придумываешь, и это воплощается в жизнь, возникает чувство эйфории. Так было и с нами.

Первое же длительное выступление состоялось в кафе на открытой площадке. Для нас было крайне серьезным действием впервые отыграть получасовой сэт. Мы страшно переживали и запороли тогда половину материала.

Александра: С тех пор изменилось все. К нам пришли профессиональные музыканты, добавились новые инструменты, появились первые студийные записи, отправились на гастроли в другие города, выпустили клип. С каждым новым выступлением мы оттачивали звук, и это продолжается до сих пор, только, конечно, на другом уровне.



– А были ли какие-нибудь казусные случаи?

Ирина: Однажды нас пригласили выступить в Биллярск. Заказали нам «газель» рано с утра, потому что путь неблизкий. Мы долго ехали, долго прыгали по кочкам, не могли найти нужное место, потому что мероприятие проходило за городом, буквально в

чистом поле. А когда наконец добрались, оказалось, что сцена у нас открытая. И это при том, что дождь моросил с самого утра. Конечно, было невозможно выступать на мокрой сцене под дождем, поэтому целый день мы сидели и ждали, когда же он кончится. Нас вкусно покормили, провели экскурсию к местному роднику (под зонтом), мы пофотографировались, а потом «газелька» отвезла нас обратно домой. Честно скажу, иногда так устаешь за поездку, что перед концертом мечтаешь «вот бы привезли, покормили и отпустили обратно домой». И надо же – такое действительно случается!

Еще запомнилось наше выступление в Москве поздней осенью. Было уже холодно, а концерт проходил снова на открытой площадке на Новом Арбате. Все 40 минут приходилось активно приплясывать на сцене, потому что холодный ветер продувал насквозь, а пальцы просто не двигались. Возможно, это добавило эмоций и трагизма в наше исполнение (смеется).

– Всегда ли вы играли татарские песни? Откуда появилась такая идея?

Александра: Все началось с Бикафеста 2014, в котором мы уже давно хотели поучаствовать. Это молодежный фестиваль, основная программа которого связана с татарским языком и культурой. Мы подались с песнями на татарском и английском, в итоге первое место принесла английская, но нам понравилось, что на татарском можно творить и это нормально воспринимается. Люди устали от того, что в татарском мире есть только эстрада и классики, новому поколению нужна новая музыка.

– Тем не менее, насколько я знаю, еще лет пять-десять назад к татароязычной музыке было достаточно настороженное отношение со стороны слушателей.

Ирина: Тут дело не в татароязычной музыке как таковой, а в том, что пять-десять лет назад у слушателей не было особого выбора. Первая ассоциация, которая возникает у всех от словосочетания «татарская музыка» – это пляски под

залихватскую гармошку и однообразный бит. Сейчас появилось много групп других стилей и жанров. Рамки татарской музыки стали расширяться: это и хип-хоп, и альтернатива, и рок, и инди, и металл, и все что угодно. Уже есть из чего выбирать под свой вкус, а значит, и мнений о татарской музыке становится больше. С татарской музыки начинает стираться печать «деревенскости», она становится ближе городской молодежи. А вообще, нигде в мире не считается зазорным петь на своем национальном языке. Это world music – явление многоликое и ценное, если, конечно, хорошо поработать над самой музыкой и аранжировками.

Каждый музыкант сам выбирает, сколько татарской специфики будет в его проекте. Для кого-то это только стихи на татарском языке, кто-то же добавляет татарских мелизмов, характерной мелодики, народных инструментов. Дело вкуса. Мы в Luna используем татарские стихи и иногда пентатонику.

– Не так давно у вас вышел первый [клип](#). Что для вас это значит?

Ания: Создание видеоматериала – отдельная сложная задача. Музыка вполне может обойтись без этого. Но с течением времени возникает естественное желание двигаться дальше, больше экспериментировать, пробовать себя и свою музыку в смежных сферах. Наша «Урман кызы» также используется в двух короткометражках разного рода, например. Чему мы очень рады. Хорошо, когда записанные песни остаются востребованными. «Урман кызы» – песня на стихи Хади Такташа, татарского классика. Она уже имеет несколько классических обработок.

Ирина: Визуальный ряд – это дополнительный способ донести идею песни до зрителя, сделать ее образ более целостным. Мы захотели показать такташевскую «Урман кызы» в другом свете: с одной стороны, как мифологическую и таинственную, с другой – как героиню, созвучную нашему времени.



Во время съёмок

– Почему именно «Урман кызы» («Дочь леса»)? У вас какая-то особенная связь с Хади Такташем, или вы равнодушны к лесам?

Александра: Когда готовились ко второму Бикафесту в 2015 году, понадобилась песня на татарском. Искали текст. В то время мы с Анией впервые услышали обработку такташевской «Урман кызы» авторства Д. Файзи в хоровой капелле. Мы решили, что текст отлично ложится на музыку, которую мы в то время готовили. А леса мы очень любим, да. А еще походы, дачи, лодки и лето в целом. Кстати, скоро у нас выйдет вторая часть альбома *Urman*, где мы используем стихи и других поэтов – Йолдыз Миннуллинной и Габдуллы Тукая.

– И самый банальный вопрос – что значит *Juna*?

Александра: Только не смейтесь, но на финском языке это означает «Поезд». Название придумалось само, искали в латинском словаре слово, подходящее нам по звучанию. Нашли *Juno*, решили заменить последнюю букву на «а». Вот так и появилась *Juna*. А про поезд мы нашли постфактум.

Алсу ГАРАПОВА

Фото из архива группы Luna